

что провожаем его на очередное место службы, просто в другую республику. И в письмах его из Афганистана только вопросы о моем здоровье, да рассказы о красоте гор...

«Было уже около одиннадцати. Меня догнал Юра. Мы шли по косогору. Где-то, чтобы противодействовать нам, перекрыли канал, и вся вода шла по косогору. На Юре были хромовые сапоги, на мне — резиновые, он еще сетовал, что за ночь они промокли и сейчас очень сырые. Он собирался в отпуск, потому я его просил, чтобы он обязательно зашел к моим родителям, рассказал что и как. Он спросил меня, будет ли хорошо подарить дочке дубленочку» — так, слово за словом, из писем воевавших бок о бок с Юрием Сливиным родные как могут восстанавливают его последний день.

— Мы были у него дома в Челябинске, когда Татьяна, его жена, увидела в окно, как подъехала машина, вынесли Юрин чемодан. Мне стало плохо, — Зоя Николаевна и сейчас, спустя 30 лет, еле сдерживает всхлипы, ее душат слезы. — В чемодане — фотогра-

фии дочки, наши и два косметических набора — для жены и сестры — он действительно собирался в отпуск. Гроб же не стали даже в подъезд заносить — на улице простились с ним, не открывая крышку, и на кладбище... Так его никто и не увидел... Строго в то время было, люди всего боялись...

«Я пытался анализировать, что произошло... Скорее всего, десантники дали неправильно координаты. Нам твердили, что впереди наши, хотя мы их видели опять же справа. Капитан пробовал вызвать артиллерию, но добро не дали. Когда по арыку к нам подплыли живые, они несли на себе оставшихся раненных. Вот тут я и узнал, что Юры больше нет. Помню слова раненого солдата: «Там уже убит старший лейтенант, он руками держится за голову, а между пальцами кровь». Юра, как и все, выполнил присягу государству до конца. Он бросил свою маленькую дочь, а я — 6-месячного сына — потому что исполняли приказ» — автор этих строк, Александр Штыпа, пробыл в Афганистане еще долгих два года...

— Юра любил петь, играть на гитаре, — вспоминает Зоя Николаевна. — Сам писал стихи, очень многие из них посвящены жене Танечке, есть душевные слова и для меня. Но всякий раз меня охватывает дрожь, когда открываю последнюю страницу его курсантского блокнота со стихами, на ней подпись: «В последний раз увидел в люке голубое небо» — и рисунок с обелиском, на табличке которого дата смерти — 1982 год...

«10 декабря 1982 года в критической ситуации Юрий действовал умело и самоотверженно. С группой солдат обошел с тыла гранатомет и боевой расчет противника и забросал его гранатами. При оказании помощи раненому был смертельно ранен осколками гранаты» — значится в Книге памяти, изданной в Москве к 10-летию со дня вывода советских войск из Афганистана. Спустя годы Челябинский совет афганцев установил еще один памятник — три офицера преклоняют колено перед могилой Юрия Сливина.

— Общаюсь почти с каждым, кто выжил, кто служил рядом с ним. Меня порой спрашивают: знай, как все произойдет, удержали бы сына? А я думаю — нет! Еще при поступлении в Суворовское училище, я давала подписку, что принимаю все тяготы и лишения военного. Да и сам Юра не мог поступить иначе, — плачет мама погибшего в Афганистане советского офицера Юрия Николаевича Сливина. Плачет, но не говорить об этом не может — если замолкнуть, забудется все, что там было...

Вот бы Юра последний раз
 Делал своим близким обход
 Кладбище как-то мне без тебя
 А много же могу сказать
 Верюшь Юра, и Тоня, Юраев
 А много же могу сказать
 Юраев Тоня, Юраевича полюб
 Чужие правды ли тебе дали
 Но все же Юраевича не сомневаю
 Все же Юраевича полюблю в Боже
 Вот и все же разговаривать
 А на тебя я не разговариваю
 Не сомневаюсь ты Юраевича
 Тоня Юраевича не на сердце Юраевича
 Тоня Юраевича не сомневаю
 Тоня Юраевича не сомневаю
 Вот и все же Юраевича полюблю
 Тоня Юраевича не сомневаю
 Юраевича не сомневаю
 Юраевича не сомневаю
 Юраевича не сомневаю

